

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

ДИАНА ГОРБАЧ

Диана Горбач

Время перемен

«Издательские решения»

Горбач Д.

Время перемен / Д. Горбач — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930202-1

Элиза — успешный архитектор и знаток высокой моды. Ксения — некогда пианистка, а ныне обеспеченная домохозяйка. Таис — владелица event-агентства. По воле случая героини отправляются в путешествие на остров Шри-Ланка. Но все идет вопреки их планам, обстоятельства погружают женщин в совершенно не знакомый им прежде мир, заставляя действовать. Как это влияет на их жизни? Где они ищут силы и что получают в итоге? Об этом читатель узнает, открыв этот вкусный роман с вдохновляющим послевкусием.

ISBN 978-5-44-930202-1

© Горбач Д.
© Издательские решения

Содержание

1. Острова в океане	6
1.1. Ксюша	6
1.2. Элиза	12
1.3. Таис	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Время перемен

Диана Горбач

Моим любимым посвящается

© Диана Горбач, 2019

ISBN 978-5-4493-0202-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Острова в океане

1.1. Ксюша

За окном иллюминатора россыпью бриллиантов светились огни города, в котором она никогда не была прежде. Ее безучастный взгляд скользил от скопления огней до обветшалой обивки кресла впереди сидящего мужчины салона эконом-класса. Самолет делал повторную петлю над аэропортом, и она слышала, как серьезный грузный мужчина впереди нее тихонько молится.

Зажмурив глаза от ярких огней иллюминатора, Ксения затаила дыхание... Если бы ее спросили, она не смогла бы точно ответить, боится ли она, что самолет так и не приземлится, или всем сердцем этого хочет.

Стюардессы летали, как взлохотенные ласточки, по огромному салону «Боинга», отдавая распоряжения, выполняли просьбы, помогали тем, кто в растерянности и подступавшей панике вскакивал со своих мест.

Ксения отвела взгляд. «Кругом одно и то же, женщины до грустного похожи друг на друга: спасают, сглаживают, замалчивают, затягивают огромные чемоданы, звенящие стеклом пакеты и какие-то ласты любителей снорклинга на верхние полки, словно разбросанный пух в июне на асфальте... А он все летит... И это никогда не заканчивается».

Рядом серьезный и молчаливый мужчина вцепился в поручни, и до нее донесся жалобный скрип обивки. Она взглянула на него с сочувствием и завистью: «Видимо, есть, что терять...» Волна жгучего стыда накатил: «Ну что я такое думаю!» Ее семья осталась в Питере, целых три сердечка любимых и родных. Она вдруг вспомнила жен сослуживцев мужа, которые обсуждали ее каждый раз, когда они с мужем бывали в общей компании: «Обеспеченная молодая бездельница...»

«Ну да, так и есть. Все еще цветущая, вполне себе молодая. И бездельница, конечно же... И неблагодарная, как мне об этом все детство говорила мама... Все точно...» Ксения закрыла глаза. «Ну как я могла оставить их на целых две недели?! Нет, не думать, только не думать... не чувствовать, лучше и вовсе ничего не чувствовать!»

Решение улететь за тридевять земель она не принимала. Оно само накатило и потянуло ее. Неожиданно. Спонтанно. В очередной раз, проверяя почту, в которой, собственно, она ничего ни от кого не ждала, и, удаляя рекламные письма после уборки дома, она увидела одно от турфирмы, через которую они с мужем как-то заказывали путевки. «Горящий тур в Шри-Ланку, две незабываемые недели в лучшем отеле у самого океана!...» Не дочитав, она удалила письмо.

«Где это место?» Остров Цейлон... Она даже когда-то читала о нем, о тропических джунглях, стадах слонов и чайных плантациях. Когда-то, когда хотела объехать весь мир и поселиться в самом красивом уголке под пальмой, пить из кокосов, есть манго и жарить мидии по вечерам в песке, плавать в открытом океане без одежды и петь песни в голос. И чтобы рядом был тот, кто сгребал бы ее, уставшую и разомлевшую, в теплую нежную охапку каждый вечер, с кем бы она могла состариться, нарожав до этого кучу таких же голопузых, неумытых, но здоровых и счастливых малышей.

«Да, прям под этой же пальмой?!» Она поморщилась... «Нет, не может быть, чтобы я об этом мечтала!»

Сейчас она мечтала о другом. О том, чтобы можно было провести вечер вдвоем, без детей, и чтобы этого хотелось. Или с детьми, но именно вместе, а не уткнувшись в телефоны или компьютер и перелистывая новости.

Она мечтала о вещах более простых и потому более невозможных... И что-то надломилось, перестало в ней работать так, как прежде.

Ксения обошла весь дом. «Все более-менее чисто». На плите стояло овощное рагу, а в духовке – запеченная рыба. Дети были на занятиях, муж на работе. «Что же, программа „минимум“ выполнена!»

Она собрала сумку, намотала цветной вязаный шарф и вышла на улицу. Ехать на тренировку совершенно не хотелось, впрочем, как в последние полгода. Ноги туда просто не шли. Она свернула в противоположный намеченному маршруту переулок и оказалась у реки. Нева еще не замерзла полностью. От дыхания шел небольшой пар. Она шла, шла, шла... просто вперед...

Такие прогулки стали не редкостью, и было хорошо ни о чем не думать. «Если бы это было возможным! Не думать». Но на ум приходило неприятное воспоминание вчерашнего вечера. «А что в нем особенного? Ни плох, ни хорош... как последние... не знаю, сколько вечеров. Нет. Не знаю, сколько лет...» На глаза навернулись слезы. Она вспомнила Павла вечером у дверей их дома. Он смотрел сквозь нее, его руки были вялые, как несвежая рыба, и такой же голос: тихий, безжизненный... Он, как обычно, буднично поздоровался, не смотря ей в глаза, переоделся, включил телевизор и, устроившись на кухне с вилкой и пультом в руке, уселся ужинать. Ксения присела рядом на высокий удобный стул «за компанию»:

– Павлик, как прошел день? – Ксения смотрела на мужа в упор.

– Все в порядке... потихоньку. Дома без проблем? Варя? Данила? Ну отлично.

Он отвечал односложно, спрашивал, не слушая ответов.

«В самом деле, что, собственно, может поменяться за обычный день, какие проходят десятками?!»

Ей позвонила мама, ему – коллега, потом начались очередные новости и уже было не до «общения»... Засыпал он рано, как и просыпался. Тихо уходил на работу. Настоящей близости, когда можно раствориться полностью в другом хоть на миг, не было уже так давно, что воспоминания о былых временах казались чем-то нереальным. Попытки поговорить об этом воспринимались в штыки. «Радость моя, у нас все хорошо», – прерывал он ее вопросы с раздражением и нажимом в голосе, поворачивался на другой бок и засыпал. Ксения же крутилась в прохладной кровати под двумя одеялами, уже ненавидя бесконечные питерские влажные серые ночи.

Все и вправду было «хорошо», но с каждым днем воздуха в доме становилось все меньше. И вчера его было так мало, что она не могла заснуть. Последнее время она спала совсем плохо. И, покрутившись всю ночь в кровати, засыпала под утро. Воспоминания душили комом невысказанных обид, невыплаканных слез. «Как же так?!» Дни размеренно перетекали друг в друга, перекатывались горошинами невыплаканных слез, раздражения и претензий. «Что не так? Что со мной не так? Все... Что менять, как, куда, зачем? Кому это нужно, кроме меня?» Ксения смотрела в глаза мужу каждый вечер и не находила там ответа. В зеркале, глядя в свои глаза, она видела его. «Кто? Я больше не знаю...» Это становилось невыносимым.

Мокрые щеки и нос защищало от холода. Свернув с набережной, она зашла в кафе. Одной ходить в кафе она никогда не любила – одиночество ощущалось еще сильнее, когда она сидела за столиком под пристальным вниманием официантов. Но было холодно, и в этот раз она зашла.

Кафе выглядело вполне симпатично: на стенах изречения философов, фотографии и картины в стиле гоголевских произведений, на низких подоконниках в подсвечниках и без оных рядами стояли молочного цвета свечи. Они были разного размера – от тонких, длинных до крупных, широких, с подтеками воска. Ксения любила свечи. Ей нравилось их покупать, но она никогда их не зажигала – муж был против. Он боялся, что дети могут обжечься, или они

забудут их погасить, или еще чего-то... Но в любом случае его настроение портилось, когда она пыталась.

Ксения присмотрелась к свечам на подоконнике кафе. Из улицы через широкое окно свет высвечивал механизмы в подставках. «Искусственные... пластиковые... О! Вот какие подойдут нам. Теперь только такие!»

Она пулей вылетела из кафе и, пройдя пару кварталов пешком, оказалась в турфирме. И вот уже, через пелену слез, подписывая договор, она, словно во сне, смотрела на себя со стороны. «Бежать куда-нибудь подальше, от всех из этого болота. Бросить все и всех... Лишь бы не сойти с ума...»

Придя домой, она бродила как тень по комнатам, а вечером так и не сказала мужу. Впрочем, он был слишком занят котировками акций на бирже, новостями спорта и политики. На следующий день она позвонила свекрови и поставила ее перед фактом своего неожиданного отъезда, чего себе не позволяла никогда. А вечером собрала чемодан и на глазах изумленного мужа вышла из дома.

Она смутно помнила дорогу в аэропорт. В глазах стоял его недоумевающий взгляд. Он ошарашенно смотрел вслед, ничего не говоря. Его серые глаза потемнели и застыли. Маленький Данила прижался к ней своей теплой щекой на прощание и, не понимая еще, но чувствуя всем своим тельцем трехлетки угрозу своему привычному миру, взял папу за руку и прижался к ноге. Дочка с обидой и вызовом смотрела на мать. В глазах тринадцатилетней девочки-подростка было непонимание и предательство. Она не позволила себя обнять и ушла в свою комнату. Ксения провела ее взглядом. Вздрагивающие плечи Вари выдавали сдержанное рыдание.

«Что ж... дело сделано. Сожалеть не о чем».

Загорелись сигнальные огни, гул машин скорой помощи оборвал привычный ход ее мыслей. Кто-то силой поднял и усадил на дополнительную дорожку аварийного трапа, а потом поймал ее. Все происходило в густом дыме, где она была скорее наблюдателем, чем действующим лицом. «Я даже не сопротивляюсь... как последние эдак лет десять», – пронеслось у нее в голове. А потом – услужливый персонал, говорящий на сенегальском и английском почти одновременно, какие-то успокоительные, и ее уже везут в отель.

Кто-то аккуратно потянул ее за плечо:

– Скузи, мадам Ли... Камин-камин, плиз...

С удивлением она обнаружила, что заснула... Вот это да! Она уже не помнила, когда вот так, от усталости могла просто заснуть. Ее багаж тянул за ней худой темнокожий юноша в белой рубашке и оранжевом саронге-юбке в пол, пытаясь на ломаном английском объяснить полусонной женщине, куда идти.

Она не стала выяснять, почему он так ее называет. «В конце концов я тоже не знаю, как его зовут». Юноша тянул следом огромный чемодан благородного бордового цвета из кожи крокодила, какой она видела в дорогих бутиках на центральной улице Будапешта, и небольшой саквояж в таком же цвете и исполнении. Распахнув перед ней двери бунгало и поставив чемоданы, он поклонился, замер на секунду и, не дождавшись чаевых, вышел. Ксения прислонилась к стене. Дурман снотворных рассеивался.

«Так... чемоданы не мои... а отель, номер? Документы? Кредитки? Телефон?»

Ни сумочки, ни багажа, ни страховок, ваучеров, ни-че-го...

Ее вдруг покинули последние силы и капли самообладания. Она села на край роскошной огромной кровати с балдахином и разрыдалась в голос... За окном была густая ночь и ни души. Стойка администратора одиноко покинута, и на часах – два ночи.

«Где я? Зачем? Почему?.. Как же так вышло?!» Спасительный сон и тропический ливень давно не выплаканных слез накрыли ее сладкой пеленой. Она не помнила, когда в последний раз могла себе позволить вот так разреветься, а потом... потом даже заснуть. Все было уже не так важно, как там, откуда она почти убегала... Она была уже слишком далеко, ее разделяли

даже не 7000 километров, а принятое вдруг решение – решение уехать, улететь во что бы то ни стало на этот остров... или на другой, но как можно дальше.

Сны не давали покоя. От них не убежишь. Вчерашние переживания проваливались, за ними всплывали более глубокие и давние. И вот она уже совсем юная девочка, с блеском поступившая в Питерскую консерваторию. Все ее поздравляют... Глаза полны слез от гордости и радости и от ощущения себя любимой своими родителями, такими молодыми еще...

Жизнь – маленькая пленка, мелькающий калейдоскоп событий... И вот она в фате, белое, пышное, сказочное платье... Такое невесомое, нежное, как их чувства. Длинная, в пол, фата в три яруса и ее рука в руке ее уже мужа. Он украдкой бросает на нее восхищенные взгляды, не веря, что она захотела стать его женой. Счастье блестит и переливается в его глазах сотнями огоньков. Венчание. Они стоят бок о бок полчаса. Время летит... Чистые голоса, звук органа, обжигающий воск свечей льется и капает на пальцы, но никто не убирает руки. Поздравления... и слезы счастья застилают глаза. Он тоже плачет... Ее любимый, такой серьезный мальчик, ее первый.

Кадры ее жизни летят, сменяя друг друга... И вот они уже лет десять спустя. Она стоит, судорожно сжимая спинку стула... Ее муж... он где-то там... всего в метре, гордо пожимает руки начальству и подчиненным на корпоративном празднике, он смотрит в ее сторону мимо. Она словно прозрачная. Ее словно нет... И между ними километры... Ксения бежит в туалет, поправляет прическу, оценивающе смотрит на свое платье... Как же так? Когда все успело так поменяться? Сон крутит ее жизнь, как цыган солнце... Как говорил ее дед... Дедушка. Вот уж кто любил, так любил. Во сне он является редко, только когда уж совсем никак... И вот уже туман, пелена... Ее веки вздрагивают от ярких лучей солнца...

День начался неожиданно. Свет пробился сквозь ставни, маленький острый лучик играл с кремовой занавеской. Ксения потянулась в кровати – тишина. Легкий, знакомый с детства шум... прибой... совсем рядом. Номер был огромным, белоснежным, с бежевой и изумрудной отделкой. Кровать покрывал балдахин, как кокон, укутывая в струящуюся материю, на туалетном столике – букет живых незнакомых цветов с кремовыми круглыми лепестками и оранжевыми сердцевинами; уютный мини-бар и огромные двустворчатые раздвижные двери в углу спальни. Не в силах сдержать детское любопытство, она соскользнула с кровати и заглянула за них: большая ванная комната с душем и огромным джакузи на пьедестале дышала чистотой и гармонией. Из закрытого резными ставнями окна доносились звонкие звуки улицы. «Да, очевидно, меня заселили по ошибке...» – резюмировала она.

В дверь постучали. Набросив банный халат, она осторожно открыла.

– Мадам Ли, ваш завтрак! Мы приносим извинения за опоздание, но вы не отвечали на телефон и не открыли раньше, – молодой человек в оранжевой юбке-саронге и белоснежной рубашке виновато смотрел, держа на вытянутых руках поднос.

– Будет ли вам угодно? Все в порядке? – озадаченно осведомился он, устанавливая на прикроватную тумбочку поднос с завтраком.

Ксения смотрела, как замороженная, не понимая ни слова.

Еще раз извинившись и поклонившись, юноша вышел.

«Так... что мы имеем? Снова путаница... Снова я „без талона пассажир“ и мне скоро выпишут штраф? Пора бы уже привыкнуть и начать испытывать от этого хоть какое-то удовольствие».

Она решила, что разберется потом... Не было сил думать, переживать, что-то решать и куда-то идти...

«Я потом что-то исправлю, как-то все это решу... А сейчас я просто хочу есть, тут – в чужом номере, в чужом халате, с чужими чемоданами и завтраком...»

И вот, уже допивая ароматный чай, хрустя золотистой корочкой гренка и распахнув окно, она любовалась картинкой своей давней забытой мечты. Океан предстал перед ней во всей красе: лазурные волны шумели совсем близко, разбиваясь в пену, переливы солнечных зайчиков от преломляющегося в воде света играли всеми цветами радуги... Песочные дюны манили, солнце обжигало... Оно было не тусклым, желто-сиреневым, как в Питере, оно было нарядного золотого цвета, а песок – глубокого желтого, какого она никогда не видела прежде... Шри-Ланка... «Мечтала ли я об этом? Уверена, что когда-то да... Когда-то, когда я умела мечтать».

Покружив по номеру, сытая и замороженная видом из окна, она принялась рассматривать чемоданы. «Что в них? Кому может принадлежать такой номер?» Удивительно, но ее привычный код для чемоданов «1301» сработал, и замочек радостно щелкнул.

«Значит, его обладатель родился со мной в один день? Или, может, это дата смерти любимого кота... Кто знает...»

Осторожно открыв крышку огромного чемодана, она принялась перебирать вещи. Сначала это было ужасно, словно читаешь чужой дневник, но они были такими новыми и шуры-шали в своих новых чехлах, что она не удержалась и достала таки самое верхнее – легкое шелковое платье в кремовых тонах на золотых бретелях. «Шелк, Chanel...» Ксения вспомнила, как муж привозил ей однажды из командировки похожее, подчеркнуто сексуальное, на пару размеров меньше, и обижался, видя ее раздражение. Это было как раз после рождения Вари, и она не могла еще долго влезть ни в один приличный наряд...

Она прикинула платье. Шелк нежно касался ее рук и обдавал легкой прохладой. «Ну, нет. Чужое платье! Это уже совсем... А значит, жить не своей жизнью гораздо лучше? И какая она — моя? Вспомнить бы...»

В дверь снова постучали:

– Мадам Ли, Лиз... Элиз... Нам надо оформить документы, пожалуйста, спуститесь вниз, – услышала она уже знакомый голос за дверью.

Ксюша окинула взглядом свое дорожное платье: вывернутый комок чего-то неприглядного, плотно-шерстяного валялся на полу. Из открытого окна жаркий воздух врвался в комнату.

«Нет, хватит с меня туфель на размер меньше и платьев не по погоде...» Она надела шелковое. Чужое.

Быстро спустившись по лестнице, Ксения оказалась в просторном холле. За стойкой регистрации никого не было. На серебристом подносе стояли коктейли и вода в высоких стаканах. Взяв один, она решила прогуляться между диванами и плетеными креслами-качелями. Огромные деревья, усыпанные белыми цветами, окружали открытую террасу, слева виднелся лобби-бар прямо на желтом песке. Белые плетеные столики с высокими барными стульчиками стояли между пальм.

Она задрала голову, пытаясь рассмотреть верхушку, и втянула воздух глубоко, жадно. Голова немного закружилась. «Я сплю... это сон».

– Хм... А вам идет этот цвет... И село как влитое, – раздался за спиной Ксении надменный, с издевкой, молодой голос.

Женщина, уверенно сидящая на высоком барном стульчике, смотрела в упор. Ее блестящие каштановые волосы были собраны в высокий конский хвост, а лицо без косметики сияло свежестью молодого возраста. Голубые потертые джинсы плотно облегали стройные ноги, а небрежный измятый тонкий льняной белый блузон с закатанными до локтя рукавами дополняли образ путешественницы-колонизатора. Она перекинула ногу на ногу, и Ксения узнала закрытые туфли с плетением в три цвета из последней коллекции Baldinini. На столике рядом красовалась сумочка из той же коллекции.

Не то что бы Ксению трогали дорогие марки или она хотела бы их иметь... Она уже привыкла считать это чем-то ненужным, застарелым налетом гламура, но вот эти... эти она

помнила. Она первый раз остановилась в Питере у витрины. Но цена... Муж уже привык, что она покупает себе одежду «добротную по разумным ценам» и что это все «ненужное, не главное...».

Девушка смирила ее взглядом. Уверенность и властность ее голоса прибавляли ей лет, взгляд был цепким, привычно оценивающим.

– Спасибо... простите... – Ксения залилась краской. – Я немедленно верну... Тут такая путаница! Позвольте...

«Нет, это не сон... это уже реальность. Оправдываться, извиняться и без конца попадать в дурацкие ситуации – это вполне себе привычная реальность».

– Оставьте себе, – бросила незнакомка, подзывая администратора, – на мне оно висит, да и мне его подарили, – сказала она с таким нажимом в голосе, как будто ее заставили оплатить подарок.

– Эй, вы! – кинула она в сторону плохо говорящего на английском парня-администратора. – Похоже, я знаю, где мои чемоданы! – и, отложив в сторону какие-то документы, встала и быстрым шагом направилась в сторону стойки администратора. На лице девушки была гримаса раздражения и усталости. Эта была последняя капля, не иначе.

1.2. Элиза

Получив странный заказ, она долго сидела за своим рабочим столом. В Питере было холодно. Январь топил в розовых туманах, сиреневых рассветах. Первый раз она устала от них. Да, ей казалось, что зима идет уже сто лет. Сто лет одно и то же: недовольные нудные дамочки-заказчицы, не знающие, куда еще деть деньги, доставшиеся от состоятельных «папочек», активно зарывающих их в ремонт своего «гнездышка». Элиза даже хотела составить список того, что они считали *mast have* в дизайне своего нового дома.

Это было скучно. Всегда одно и то же. Все они надеялись, въехав в новый дом, обрести новую счастливую жизнь и старались «оплатить» это заранее и с лихвой. И, конечно, тщетно... Они меняли дома, потом «папы» меняли их, и новая пассия приходила с тем же списком менять убранство своего нового жилья на новое, «в более сдержанных тонах»... И уже вот почти восемь лет это происходило однообразно, энергично, поражая своей типичной безысходностью, и на ее глазах.

Из рядового дизайнера интерьера она успела стать финансовым директором и главным архитектором в одном флаконе, имея все дивиденды от оных с хорошей зарплатой и репутацией. Она давно уже переехала в собственную квартиру с прекрасным видом на Неву из родительской. Обставила ее по своему вкусу и желанию. И даже успела все кардинально поменять из абсолютного черно-белого минимализма во вполне себе обжитую бохо-студию. Но принципиально не менялось ничего. Ее любимый, некогда свободный и молодой, Питер стал удобным и спокойным Питером с кафешками «очень», «не очень, но вполне» и «а-ля утро», «кафе-обед» и рестораны «можно и поужинать тут». Официанты ее уже называли по имени, агентства недвижимости с радостью отвечали на звонки, а местные каналы с гордостью анонсировали интервью «С Элизой о современных тенденциях и стилях».

Ей было куда надеть свои новые строгие наряды от Chanel и страстные платья от Dolce&Gabbana... Почему бы и нет? Впрочем, свидания с мужчинами проходили все точно так же. Элиза очень легко, с первого взгляда, относилась мужчин по тем же группам, что и кафе. И это было весело и грустно одновременно: «для обеда», «можно и поужинать» и особая категория, когда она ощущала потребность в чем-то, что все равно оставалось неудовлетворенным: «мужчина-утро».

С последними она могла действительно позавтракать... А иногда проснуться утром. Но, наверное, позавтракать – это было куда ближе, чем что-либо другое, и она очень быстро «сворачивала» такие завтраки. Ей не хотелось привыкать, не хотелось ждать звонков, не хотелось нуждаться. Она не отвечала на звонки, понимая, что если повернуть ситуацию наоборот, все будет точно так же. Она не хотела быть в роли ожидающей. Нет, это точно не ее роль. Никогда.

И вот этот странный заказ. Ее головное предприятие, владелец и непосредственный шеф настаивал. Мягко так и однозначно... «Трястись почти десять часов в самолете?! Шри-Ланка?!» И все же она устала от Питера. Устала от всего.

Это был их новый проект, новое направление. Остров активно отстраивал новые отели, требовался свежий современный взгляд, оценка происходящего. Требовалось ее мнение и ее кропотливая работа – от оценки вложенных средств до реальных проектов... Работы много. Месяц минимум... И где? На острове с непонятным уровнем сервиса и с количеством змей, превосходящим в мире на душу населения! «Брррр...» Она вспомнила, как однажды, будучи еще совсем ребенком, путешествуя с мамой в Карпатах, наступила на огромную ящерицу и взбросилась от страха в сланцах на гору, а потом не могла спуститься назад.

Элиза посмотрела в окно: ледяным замком иней сковывал ставни. Еще раз пересмотрев предложение шефа с единственным на острове пятизвездочным апарт-отелем и бунгалом у самого океана, она приняла решение.

И вот, за последние сутки она уже раз сто пожалела о нем. Начиная с регистрации и посадки в самолет, до этой самой минуты все катилось кувырком. Рейс задержали, и она стойко это переждала, разглядывая в duty free намозоливший глаз парфюм – брендовый fast-food. При посадке выяснилось, что на ней здорово сэкономили и она летит вовсе не бизнес-классом. «Что ж... Этого и следовало ожидать от моего шефа...» – подумала она, гордо смерив стюардессу взглядом. Но вот когда она поняла, что оказалась между шумной компанией пенсионеров, дружно летящих на отдых, ей пришлось несладко.

Все десять часов лета она вынуждена была слушать истории их жизней, стараясь никоим образом не вызвать их интерес, бесконечно вставая и пропуская их «припудрить носик»; жуткий невкусный завтрак и ужин, сломанное реле кондиционера... И совершенно странная, выходящая за всякие грани нормального, аварийная посадка. Нет, она и на минуту не переживала за свое здоровье. А вот потерять свои новые туфли в суматохе или испортить маникюр при таком травмоопасном приземлении ей никак не хотелось.

И вот уже добравшись до отеля, выяснилось, что ее «уже заселили в номер» и до прихода главного менеджера отеля, никак не раньше восьми утра, то есть ждать еще около четырех часов, никто не может ей помочь. Сидя возле стойки администратора, она осознала еще одну ужасную мысль: «Багаж... его нет!».

Взвесив все «за» и «против», прочитав все заключенные договора страхования, сложив это с моральной компенсацией от ее организации, она пришла к выводу, что волноваться не о чем, кроме кругов под глазами и кучей дел, которые придется делать уже не сегодня точно.

И тогда, когда казалось, что все, что могло уже произойти, произошло, Элиза решила порадовать себя свежесжатым островитянским Lazy из манго в лобби-баре с видом на океан, она увидела свое платье. Она сидела и не верила своим глазам!

«Нет, не может быть тут, на острове, еще одного такого же, шелкового беж от Chanel 46 размера... Ну и наглость! Просто невероятно!»

В глазах промелькнула история этого платья, ее последний роман. Он купил ей платье. Он! Ей! Да как он смел вообще... К тому же почти на два размера больше... Да, она любила носить oversize, небрежно набросив массивное украшение поверх. Но Chanel, платье, шелк... и такой промах! Это как подарить обручальное кольцо не по размеру. Да и мужчина был совершенно не ее формата: заносчивый «сердцеед», альфа-самец, с въедливым взглядом и всякими банальностями... Нет, это было скучнее скучного. Он сидел на ступеньках в своих бежевых штанах у ее квартиры и рыдал как мальчик, когда они расставались, в надежде «растопить ее сердце». Она навела справки гораздо раньше, и выяснилось, что уже не одна симпатичная девушка была «особенной, незабываемой, единственной» такой же, как и она... А она «купи-лась». Всего на несколько дней, но «купи-лась таки». Эх! Прежде она не была столь неосторожной. Что-то менялось... Теряла ли она прежнюю бдительность или уже устала от нее сама, было неясно. Во всяком случае, ей хотелось верить, что она могла быть снова той самой Элизой, которую уже долгих 28 лет знало ее окружение: блестящей, бескомпромиссной амазонкой, держащейся в седле, что бы ни случилось, на гребне своих побед и достижений, чего бы это ни касалось...

«Нет, это платье все же лицу вот той наглой белокурой женщине с прической легкого французского шика а-ля неумытое утро. Да я даже благодарна ей за то, что избавила меня таки от этого платья». Выкинуть было все же жалко: цена, последняя коллекция, ее любимый шелк и бренд.

Как только она поднялась со стула, и платье, и недоразумение, и тот мужчина были уже в далеком прошлом. Ее ум занимало уравнение с двумя переменными – необходимость отдыха и выполнения ее плана на эти сутки. Она проследовала к стойке администратора как торпеда прицельного наведения. Без вариантов отступления. И чем сильнее был ее напор, тем медлен-

нее все делалось. Это было чем-то совершенно странным. Администратор подзывал охранника, тот в свою очередь кому-то звонил, и это не заканчивалось.

Когда все же вопросы с номером и багажом были улажены, она попыталась дозвониться до партнеров и назначить встречу на завтра.

– Мадам, э... мадемуазель Элизи, – отвечал в трубке сбивчивый голос секретарши, – мистер Эмми никак не может Вас принять завтра. Завтра мы не работаем. Полнолуние.

– И?... Полнолуние приведет к концу света?! – язвительно заметила Элиза.

– Но, уважаемая мадам... Полнолуние – выходной день. Праздник. А потом мистер Эмми едет молиться в храм и его не будет еще день-другой.

– Можно ли услышать самого мистера Эмми? Я прилетела, чтобы работать, а не молиться и ждать, и у меня нет времени на долгий разговор о таком важном явлении природы, как полнолуние... – Элиза вела себя уже почти грубо, она чувствовала, что совершенно не владеет ситуацией.

– Простите, он поставил меня в курс дела, и я ждала Вашего звонка.

– Чтобы сообщить мне о чем?! Будьте добры, переключите на Вашего шефа.

– Еще раз простите, но это невозможно. Уже обед. И с 12 до 16 часов во время обеда мы не работаем. Мистер Эмме спит, как и все мы.

– О!!!

Элиза повесила трубку. Она не могла и представить, что есть остров в океане, в котором вполне себе взрослые люди спят после обеда прямо на работе, празднуют полнолуние и молятся по два дня.

Ощущение нехорошего розыгрыша немного спасало ее вскипающий ум... Она позвонила шефу.

Разговор длился не более пяти минут, в которые выяснилось, что все это правда и ей придется «быть немного снисходительной и иметь терпение, а так же что она сможет немного отдохнуть и прийти в себя после долгой дороги, изучить местные традиции и немного вникнуть в суть организации их дел...».

Все это означало, что она застряла тут... И у нее есть пять дней совершенного безделья.

«Что ж... Что ж...» Элиза нервничала и наматывала круги по комнате. Она не знала, что ей делать с этим внезапным подарком – свободным временем.

«Пять дней. Нет, пять суток. 120 часов простоя». «Когда я была в отпуске последний раз?»

Она вспомнила свою поездку в Египет два года назад, пирамиды, песчаные барханы... Всего семь дней, как полгода... Она вспомнила египтянина, мужчину не то «на обед», не то «на ужин», но точно не для «позавтракать». С ним она объехала львиную долю этой страны. В ее воспоминаниях проснулись фараоны, огромные глыбы камней пирамид, бескрайние просторы пустыни. Она погружалась с аквалангом в природном заповеднике Рос Мухамед и ездила на джипах в пустыне, чье название уже не могла и вспомнить, а улетаая, ощущала, что «выполнила программу минимум на все 100».

Элиз улыбнулась, вспоминая Омара. Его глаза были темными, как вишни, кожа цвета горького шоколада, высокий, худой и породистый, как черный жеребец. Он смотрел на нее во все свои вороньи глаза, полные влюбленности и желания. Это было так по-детски, так трогательно... Она вспомнила, как уезжала от него однажды утром, невпечатленная и немного уставшая, думая о том, что стоило бы с собой взять крем для загара и попить сока алоэ, дабы прогулка на яхте накануне не испортила ее загар.

Она по привычке вызвала такси и на глазах у изумленного, едва проснувшегося мужчины, спокойно уехала к себе. «Да, так женщины в его стране не делают... Хм». Это было забавно. Он думал, что соблазнил, а она... она просто решила провести ночь не так скучно, как прошлую. Так она не поступала ни прежде, ни после. На самом деле, ее мало тронуло все

то, что было, и она дала себе обещание больше никогда не делать этого без особого желания со своей стороны.

Но то был Египет. А эта другая страна. Шри-Ланка... Она закрыла глаза и представила, что могло бы ее заинтересовать или порадовать, удивить тут. Ей не хотелось пользоваться интернетом и строить планы, как она всегда делала в таких случаях, но ни одна оригинальная идея не шла на ум.

«В таких ситуациях нужно просто сделать маску для лица и отдохнуть».

Да, обычно все решалось просто. Она достала свою косметичку – маленький ридикюль, размером в пол-чемодана, и стала методично выставлять на столик в ванной комнате все необходимое: от патчей для глаз до масла-увлажнителя для кончиков волос. Это успокаивало и дарило ощущение защищенности и покоя. Разобрав свой чемодан, освободив вещи от чехлов и пройдясь пульверизатором по льняным туникам, выставив туфли на все случаи жизни на специальную полочку, она принялась разбирать привезенные документы. Ощущение было необычное. Влажный теплый воздух из окна отвлекал. Мысли и слова не складывались в планы. Она отложила дела в сторону.

«Странно. Видимо, я действительно устала. День был непростой».

Переодевшись к ужину в просторную сливовую тунику с оранжевым орнаментом и золотые сандалии – последнее приобретение, бросив оценивающий взгляд в огромное, встроенное в стену напротив кровати, зеркало и улыбнувшись отражению в нем, Элиза вышла в просторный холл. Ее длинные, до талии, каштановые волосы были убраны в пучок на затылке, а на губах нежно розовел прозрачный охлаждающий блеск. Она была вполне довольна собой, впрочем, как всегда.

В холле царили тишина и прохлада. Женщина в бирюзовом сари плавно шла к двери. За ней семенили трое детишек-погодок и грузный бородатый мужчина в чалме и белоснежном одеянии. Стеклопанная дверь была темной. «Тонированная, наверное».

Выйдя на улицу, она погрузилась в серую дымку заката. Взглянув на часы с золотым циферблатом – ее первое серьезное приобретение, – она изумленно посмотрела вдаль. «Закат в 18.00!» Нет, этот остров был для нее полон сюрпризов. Ужин был включен в ее путевку, хотя она предпочла бы его не брать. Но оплачивала ее организация, и было непонятно, можно ли безопасно питаться за пределами ее отеля.

Ее провели за сервированный столик в ресторане, справа от лобби-бара, с широкой открытой террасой. В центре ресторана на низких подушках сидели музыканты с экзотическими трещотками, барабаном, а солист в оранжево-желтом одеянии типа сари, с кожей темнее темного, стоял и безжалостно мучил скрипку. Музыка была весьма неоднозначная, и Элиза не могла определить свое к ней отношение. Точно можно было лишь сказать, что вряд ли когда-то слышала подобное.

Прошло немало времени, прежде чем к ней подошел официант и вежливо, весело улыбаясь, осведомился о ее предпочтениях на этот вечер. Просмотрев меню, она остановилась на салате. «Сомнительное меню... куча странных индийских карри-блюд, европейских пицц, итальянских паст...» Официант на все ее вопросы отвечал утвердительно, и было неясно, понимает ли он ее.

Элиза сделала заказ, и прошло минут 40, прежде чем салат, сок и бокал вина стояли на ее столе. Официант медленно кружил вокруг стола, и казалось, он больше медитирует, чем обслуживает. Он по-прежнему улыбался и выкладывал каждый предмет на стол под звук барабана. Видимо, это было особым развлечением. И Элиза с интересом наблюдала за этим необычным действием. «Вот уж действительно жизнь не бьет ключом на этом острове, она течет еле-еле, по капле. И единственное исключение – солнце». Оно стремительно двигалось к горизонту, и буквально за полчаса весь остров погрузился в темноту.

Положив немного салата в рот, Элиза замерла, поднесла салфетку и выплюнула все... «Есть это нельзя», – раздраженно резюмировала она. Острота была запредельной. Вкуса не чувствовалось совершенно. Запив вином и не дождавшись воды, она бросила салфетку в тарелку и встала из-за стола. «Ужин закончен. М-да... уж».

По выходе из ресторана стало понятно, что кругом темнота и прогуляться по берегу не представляется возможным. «Что ж... снова в номер». Тут же придумав, чем себя занять, она поднялась к себе. Бунгало было уютным и просторным. Простые материальные блага всегда успокаивали и повышали ей настроение.

Достав профессиональный планшет для чертежей, она решила выполнить часть сложного заказа, который оставила на потом. Время позволяло. Элиза загрузила программу и попыталась подключиться к местной сети Wi-Fi. Как только соединение было установлено, стало ясно, что работать не получится: интернет тормозил сильно, и трафика совершенно не хватало для нормальной работы. Побродив по номеру в поисках наилучшей связи, она отложила планшет. «Связи нет... Такое возможно?! Вот это да...»

Походив по бунгало и в очередной раз успокаивая себя обещаниями «справиться завтра» и уже засомневавшись в этом не на шутку, она уселась в широкое плетеное кресло у ночного прикроватного столика. У нее возникло ощущение, что время встало колом, а она попала в какую-то безвременную яму, и завтра все повторится точь-в-точь...

«Это какой-то Бермудский треугольник, я просто попала куда-то в совершенно странное место, где никто ничего не делает, не спешит, и все само как-то успеваётся при этом, или не замечается то, чего не успели... Как так можно жить?!»

Делать было нечего. Элиза улеглась на широкую двуспальную кровать под изумрудным балдахином с золотой отделкой и почувствовала, как сон сладкой ватой окутывает ее тело. Это было очень приятное чувство. Наверное, первое за последние пару суток... или пару последних лет.

Утро встретило сизым туманом и духотой. Элиза обычно просыпалась быстро, еще в кровати обдумывая план действий, проверяя сообщения и емейл. Потянувшись за телефоном, она обнаружила, что он разряжен. Планшет не подключался к сети.

«А да... заколдованное место», – подумала она и улыбнулась. Странное дело, но раздражение ослабло. Она отложила все свои гаджеты, вскочила с кровати и принялась за утренние привычные и обязательные дела. Практически машинально она умылась и долго чистила зубы щеткой, пастой и флоссом. Наложив питательные утренние патчи от припухлости под глаза, она достала свой любимый бамбуковый коврик, который всегда брала с собой во все деловые поездки, и, распахнув настежь окно и балконную дверь, принялась растягиваться. Ее любимым и постоянным утренним комплексом был Сурия-намаскар —приветствие солнцу – вот уже около пяти лет, и каждый год она прибавляла по одному обороту этого комплекса. И вот, повторяя его в 28-й раз, она услышала знакомую медитативную музыку. Часы показывали 7 утра. Закончив свое занятие, Элиза выскочила на балкон и попыталась найти ее источник. Балкон был оформлен в виде небольшой террасы с низким ограждением и открывал панорамный вид на океан. Слева от ее бунгало, между цветущими деревьями и пальмами, на приличном удалении располагалась небольшая группа в разноцветных шароварах, спортивных майках и без оных. Вся группа во главе с низкорослым индусом в оранжевых шароварах, с обнаженным торсом, двигалась медленно и ритмично, то замирая в позе «дерева», то наклоняясь лицом вниз, прогибая позвоночник. Люди в группе были разные: от темнокожих девушек до бледно-серых пожилых женщин в убедительно хорошей спортивной форме. Элиза улыбнулась, вспоминая то время, когда она еще начинала заниматься йогой в маленькой студии в Питере, с искусственным освещением, небольшой группой и наилучшим образом подходящим для нее инструктором.

«Да, интересное было время. А интереснее всего было то, что я еще не считала время на дорогу в эту студию безвозвратно потерянным...»

Элиза поджала губы и решила, что хоть музыка ей и приятна, но необходимости присоединиться к этой группе у нее нет никакой: комплексы упражнений она знает, коврик и обстановка со свежим воздухом и видом на океан ее вполне устраивает. Аккуратно сняв патчи, она наложила изрядную порцию крема и сделала массаж лица, уделяя внимание овалу и скулам. Ей нравилось свое отражение в зеркале, нравилось поддерживать себя в хорошей форме, нравились комплименты относительно ее возраста, которые она слышала настолько часто, что уже верила практически полностью.

Уход за лицом и телом был частью ее утренней медитации, не иначе. Так она настраивалась на быстрый темп своей жизни, кучу дел и задач. Приняв контрастный душ и насладившись исправной работой сантехники – на душевом шланге были так любимые ей режимы массажа, – она промокнула себя мохнатым белым полотенцем и выдавила на грудь питательный крем. Хорошенько помассировав себя и убедившись в идеальности своих подтянутых упругих форм, прочесав и уложив волосы в объемный пучок на затылке, Элиза почувствовала себя гораздо лучше. Расстраивало, точнее, тревожило отсутствие плана на день.

– Могу я услышать администратора? – на идеальном английском обратилась она по телефону к поднявшему трубку человеку.

– Разумеется, мадам Элизи. Чем я могу Вам помочь? – Элиза удивилась. «Не решают вопросы, не спешат, но запоминают людей даже по голосам. Наверное, не людей все же, а клиентов...»

– Да, я хотела бы позавтракать на берегу, в вашем ресторане. Не нужно обслуживание в номер.

– Безусловно. Уже отменил доставку. Хорошего дня!

– Благодарю.

Элиза не любила завтракать в постели, ведь для этого ей нужно было бы забираться в постель после всех своих процедур, что было бы смешным и нелогичным, и она не любила, когда за нее выбирают. А к тому же ей просто нечем было заняться.

В это утро Элиза облачилась в шелковое зелено-фиолетовое кимоно с широким поясом и надела бежевые сандалии дзоури на небольшой платформе. Это был ее любимый наряд, который она надевала крайне редко, зато его созерцание в своем гардеробе доставляло ей удовольствие. Шелк был тончайшим, а обувь более чем подходящей. В некотором роде это было немногочисленное исключение, ибо то, что не носилось, постепенно переезжало к ее маме, к подругам мамы и просто к мусорному баку.

Дымка над океаном была густой, сквозь нее пробивалось солнце. Пляжная полоса была широкой и пустынной. Одиноко стоящие высокие пальмы отбрасывали редкие косые тени. «Солнцезащитным кремом неплохо бы и руки покрыть...» – подумала Элиза, всматриваясь в береговую полосу. Сквозь стекла солнечных очков зелень казалась еще более насыщенной по тону, а песок – оранжево-охристым.

Быстрым шагом Элиза обошла свое бунгало и, миновав лобби-бар, оказалась у ресторана. Белый цветок с плотными полукруглыми листьями упал ей прямо на голову и, соскользнув, оказался под ногами. Дерево было усыпано цветами и периодически они слетали с увесистых ветвей. Дама, шедшая впереди, обернулась, и Элиза узнала в ней одну из группы пожилых женщин, занимавшихся сегодня утром у океана йогой. Одета она была во все те же яркие шаровары, через плечо было переброшено влажное полотенце. «Очевидно, все это время она провела у океана», – подумала немножко с удивлением Элиза. Единственным новым в наряде этой женщины было украшение на голове. В сбитые пучком на макушке седые волосы был вставлен именно такой цветок.

– Доброе утро, – поздоровалась с Элизой на французском и улыбнулась пожилая дама.

Ответив что-то из того, что помнила еще из курса обучения французскому языку, Элиза на пару секунд ощутила какое-то особое обаяние и шарм, исходивший от незнакомки. Мысленно она передела ее в дорогой серо-голубой шерстяной костюм в тонкую фиолетовую клетку, шарф, уложенный петлей на пару тонов светлее, вложила в руку саквояж из дубленой кожи ягненка цвета жженой кости и – чуть светлее – туфли-лодочки, уложила и обесцветила волосы, мысленно выбросив странное, не по возрасту, украшение – цветок, и довольно кивнула в ответ.

Она всегда так делала, когда люди ей были хоть чем-то симпатичны, но не могла вспомнить ни случая, когда переодевать не было необходимости и ее устраивало то, что она видела. Всегда было, что можно улучшить. И она знала, что именно. Впрочем, эта странная привычка-игра была еще с детства и сейчас это происходило просто на автомате. Элиза считала это даже чем-то сродни благородству и уж точно теплоте отношению к окружающим.

«Если нельзя принять, как есть, если взгляд цепляет несовершенства и всякие допускаемые несурезицы, почему бы не создать возможную красоту, не дописать немножко образ? Так хотя бы легче общаться, видя, какой человек может быть... немножко приложив усилий».

Ресторан встретил ее прохладой, несмотря на то, что был никоим образом не изолирован от воздуха и океана. Большие открытые террасы охлаждались вентиляторами-кондиционерами. Плетеные белые стулья из ротанга украшены оранжевыми подушками для удобства, столики покрыты скатертями в цвет. Свободные столики были сервированы на две и более персон. Выбрав столик в отдалении от основной массы людей, поближе к открытому пространству с видом на океан, Элиза устроилась в удобном кресле. Официанты не спешили, как и вчера вечером. Сегодня спешить и ей было некуда. И она принялась разглядывать присутствующих.

Уже знакомая ей француженка без умолку что-то рассказывала подошедшему официанту и своей подруге, такой же пожилой даме с короткими всклокоченными волосами. Справа от нее сидела арабская семья: три жены и один мужчина. Самая молодая из них важно кормила из ложки довольного мужчину средних лет. Элиза отвернулась с отвращением. Такого «расклада» в отношениях она не то что не понимала, но и не находила ему никаких оправданий.

За соседним столиком расположились индусы – две семьи. Женщины были одеты в легкие голубые сари и ели медленно, молча. Мужчины же активно обсуждали что-то и с удовольствием поглощали горы риса с чем-то еще. А по диагонали, за столиком спиной к Элизе, сидела европейская женщина. Ее бледная кожа выдавала в ней вновь прибывшую. Льняная белая туника с кожаным рыжим пояском, бежевыми капри и плетеными сабо выглядели вполне сносно. Женщина тряхнула короткими пепельно-светлыми, чуть выющимися волосами, сняла солнечные очки и немного развернулась.

«Так... а мы уже знакомы... Это мисс-чужое платье от Chanel», – с мелкой усмешкой заметила Элиза, и тут же ее взгляд приковала ее собеседница. Она была явно старше и это был, вероятно, единственный минус в ее образе. Элиза придирчиво нахмурилась и в ее голове всплыли строки из детской сказки: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?...».

Незнакомка сидела лицом к Элизе и заливисто смеялась, немного наклонив голову назад. Смущенный ланкиец убрал только что поставленную на стол посуду и, позвав еще одного официанта, заново сервировал столик. Непонятно, что там происходило, но это очень веселило незнакомку. Она небрежным жестом отбрасывала с лица непослушный длинный локон цвета горького шоколада и открыто, приветливо улыбалась одновременно всем. Ее золотисто-кофейный загар и миндалевидный разрез глаз выдавали восточные корни. С этого расстояния не был виден цвет глаз, но яркий контраст с цветом кожи однозначно говорил о светлых оттенках. Батистовая черная блузка с широкими рукавами и узором «ришелье» сползала, оголяя плечо. Тонкие завязки с бомбонами, едва прихваченные в бант, кокетливо свисали вниз, давая возможность оценить красивое декольте и грациозную линию шеи. Женщина ловко встала из-за стола, и Элиза смогла рассмотреть стройную фигуру незнакомки с красивыми покатыми бед-

рами, затянутую в узкую сатиновую юбку-миди глубокого вишневого цвета. Легким танцующим жестом она подхватила широкополую белую шляпу, водрузила себе на плечо бело-черную плетеную объемную сумку и, широко улыбнувшись снова абсолютно всем и только себе одной, попрощавшись со своей собеседницей, вышла на террасу и пошла к океану.

Официанты смотрели вслед, как и женщины за соседними столиками. Элиза смутилась. Она не помнила, когда в последний раз так пристально разглядывала незнакомых ей людей. Уперев взгляд в уже знакомое и бесполезное меню, она едва услышала робко стоящего у ее столика официанта. Все это время он ждал, пока она выберет, что именно ему наливать в ее чашку – чай или кофе. Заказав кофе, она отправилась к столу с фруктами в самом дальнем углу ресторана, где такой же ланкиец в белой рубашке и длинной оранжевой юбке-саронге медленно, не глядя на нее, нарезал кусочками спелый ананас и чистил оранжевую сочную папайю.

Овощных соков не было, и потому она взяла стакан кокосового молока, несколько долек папайи и что-то странное на пробу в ряду закусок с названием «шри-шри-дхал». Кофе был остывшим и невкусным, странное блюдо оказалось на редкость острым, а кокосовое молоко напоминало березовый сок. Насладившись сочными сладкими январскими ананасами, Элиза рискнула попробовать кусочек оранжевой папайи. Вкус был непонятным, новым. Не то что бы она не любила что-то новое... просто со временем нового становилось все меньше, а однажды приобретенное мнение о чем-либо особенно не менялось. И все же... этим утром со своей обволакивающей дымкой было куда больше нового, чем за весь последний год, а то и не один... И она не могла точно сказать, нравится ей это или нет. Одно было наверняка: она ощущала необъяснимое беспокойство, как птица чувствует приближающуюся бурю, но ее очертания так далеки, так невозможны, что это предчувствие кажется призрачным.

1.3. Таис

Ночной теплый ветер нежно трепал подол ее тончайшей шелковой комбинации. Запах специй окутывал и дурманил.

«Пожалуй, не стоило брать духи в эту сочно пахнущую страну...»

Таис закрыла глаза и снова вдохнула всей грудью воздух с запахом водорослей и карри. На открытой террасе ее номера было темно. Она устроилась в широком удобном кресле, принесенном специально для европейских гостей. Тканый цветастый плед был лишним в такую теплую ночь.

«Как здорово, что я все-таки приехала на пару дней раньше группы!..»

Таис не любила спешки. Точнее, ей она порядком надоела. Большую часть своей жизни ей приходилось быть собранной и организованной, потому так сильно она ценила такие моменты тишины и спокойствия. Она так часто бывала на виду, что в какой-то момент стала замечать, как ее профессиональная улыбка устроителя праздников не сходит с уст даже тогда, когда в комнате уже никого не было.

«Милая моя, держи лицо! Лицо и осанка – это наше все! Слезы?! О, ты хочешь, чтобы тобой восхищались или жалели? Жалость – это так пошло...» – слова ее матери тысячами маленьких молоточков, словно устройство фортепиано, стучали в ее голове каждый раз, когда естественная тревога или подкатывающие слезы грозили испортить идеальный тон ее лица.

Таис потянулась за аккуратно выложенными на тарелочке бурфи, привезенное с собой вино она пить не стала.

«Ммм... странный сладковатый вкус. Пора завязывать со сладостями...»

Она потянулась в кресле как кошка, грациозно соскочила, подошла к зеркалу и потянула комбинацию за тонкую лялочку вниз. Тусклый свет лампы высвечивал сочные округлости ее тела. Красивая полная грудь еще держала форму, но уже не как прежде, покатые мягкие плечи, крутая линия бедер и мягкий наметившийся животик над тонким бледным шрамом от кесарева сечения – следа ее неудачной попытки изменить ход своей жизни.

«Да... шрамы красят только мужчин. А женщин они выдают, как друзья-болтуны».

Она повернулась в профиль и критично окинула свое изображение. Предательски защипало в кончике носа, и на глаза накатились слезы...

«Нет-нет же! Мое тело все еще великолепно. Но освещение поярче уже не стоит делать. Только и всего».

Таис открыла чемодан и достала со дна белую рубашку Александра с длинными рукавами. Надела и застегнула ее на себе под самый ворот. Она забралась на кровать и свернулась калачиком. В глазах стояла смешная и трогательная сцена их прощания перед поездкой. Ночь накануне была совершенно бессонной. И временами она уже не знала, его ли это рука или ее, чьи мысли сейчас высказываются вслух, и кто из них шевелит пальцами ног, оплетая попутно друг друга...

Когда первые лучи коснулись их теплого клубочка и их тела стали оживать, ощутима стала ее затекшая шея, его онемевшая рука. Грусть и тоска от предстоящего расставания повисли в воздухе. Александр встал во весь рост и, не стесняясь, уже привычным жестом стал выуживать из-под кровати свою одежду, одеяла, подушки... А потом, хохоча, натянул пиджак на голый торс, оставив эту рубашку на кресле. И так, не попрощавшись, нежно поцеловав в плечо, отправился в свою контору работать.

Таис лежала и провожала его взглядом до самой двери в полном молчании. Ей не хотелось портить этот момент полного единения шелухой избитых фраз. И лишь потом, когда он позвонил узнать, как она добралась до отеля в Унаватуне, сказал:

– Милая моя, я надеюсь, что моя рубашка в твоём чемодане не позволит тебе соблазнять скромных жителей Шри-Ланки! Ну и если ты соскучишься по моим объятиям, то тоже пригодится. Ты же ее взяла с собой?..

– Санечка, я не понимаю, ты о чем? Какой сентиментальный, однако! Целую, милый! Я же не на год, всего на месяц! Ты и соскучиться не успеешь! – ответила она беззаботным голосом, на какой была способна. О, конечно, взяла... Просто так... приятно касаться. Она еще хранила запах его тела.

«Какой же маленькой девочкой я становлюсь, надевая его рубашки... Будто мне 17 и это мой первый парень, в которого я пылко влюблена... И нет этого странного чувства дежавю. Нет ощущения, что я это уже где-то видела, чувствовала, знаю этот самый вкус... и почти уверена, что сценарий и развязка мне знакомы и известны тоже... И ничего хорошего это знание не предвещает. И еще нет этой всепоглощающей усталости и скуки».

Мысли возникали и пропадали, как актеры-новички, смутившись и позабыв свой текст. Занавес то распахивался, то плотной линией сжимались портьеры, когда не хотелось видеть уже и так знакомые сцены, сюжетные линии, развязки... и снова первые фразы ее отношений.

«Мне кажется, я прожила три жизни за одну!.. И вот опять... аплодисменты!!! На сцене новый актерский состав! Прошу любить и жаловать!!! Собственной персоной – мужчина моей мечты – Александр!» – пронеслось у нее в голове.

«Да, милый мой... нежный, забавный такой... еще юный... Мои 37, твои 26... Но разве мы не одногодки, когда вместе? Нет, я становлюсь 19-летней рядом... Ты старше, гораздо старше. Твоя рубашка до середины бедра мне, и рукава на целую ладошку больше. Мой высокий красивый мужчина... Я – маленькая девочка рядом с тобой... Что же нам с тобой делать, как продлить это маленькую пьесу? Я не хочу больше ничего не с кем начинать, я хочу продолжения, хочу на всю жизнь!.. Но возможно ли это с тобой?! Возможно ли это вообще?!»

Она лежала долго, сон не шел совсем... Ей хотелось быстрых решений непростых вопросов, хотелось сразу, сейчас же...

«Я взяла тайм-аут на целый месяц... Это самое большое, что я могу сделать для нас. Где же ответы? Вот она, эта страна. Этот остров вечно юных танцующих людей, с буддийскими храмами, бесконечными песчаными дюнами и безумными волнами».

Стало тоскливо и одиноко. Одиночество навязчиво мерцало на горизонте собственных ожиданий.

«Или закончить, не начиная. Вот так, просто, по приезду расстаться. По приезду из Шри-Ланки... где всегда лето и ничего не увядает...» Эта мысль уже не в первый раз приходила ей в голову. Она стянула с себя неудобную мятую мужскую рубашку, надела новую шелковую сорочку, еще пахнущую любимым сладковато-цитрусовым парфюмом, закуталась в плед и уснула.

За окном робко забрезжил нежный персиковый рассвет.

– Прошу прощения, мисс... миссис... ээ... Вы просили разбудить вас в полдень! – в телефонной трубке раздался голос с сильным акцентом, и человек нервно закашлялся. Таис узнала администратора – вежливого ланкийца, говорящего на русском языке, любезно предложившего накануне разбудить ее по телефону в любое время суток.

– О, бла-го-да-рю! – сладко потягиваясь на тонких простынях, нараспев отозвалась Таис.

– У меня маленькая просьба: я хотела бы отобедать в кафе напротив гостиницы. Не могли бы вы заказать для меня что-нибудь легкое, из местной кухни, на свой вкус? – она улыбнулась своей необдуманной идее и отсутствию элементарной определенности в просьбе. «О, что-то новенькое!»

– Но, мисс Тайи! Что будет Вам угодно? Тандури? Бирьяни? Тхали? Самоса? Нимбу-пааны? – сбивчиво вопрошал голос.

«Нимбу-пааны?! Ну как же от такого откажешься?!»

– Мистер Аджит, я полностью полагаюсь на Вас. Я всеядна. И очень голодна. И буду признательна Вам, если Вы не забудете про... нимбу-пионы, тюльпаны... то есть паны, па-аны. – Таис накручивала локон на мизинец и просто наслаждалась предвкушением новых ощущений, пусть и гастрономических. – Я буду готова к позднему обеду... скажем, к четырем часам. – прервала она поток непонятных названий, не желая спасать озадаченного мужчину.

Таис побродила неспешно по номеру, играя с солнечным зайчиком, который ее преследовал, куда бы она ни отклонялась от окна, рассматривая картины на стенах блуждающим взглядом, и принялась собираться.

Облачившись в тонкую шелковую комбинацию, встав у зеркала, она меткими движениями накладывала тени, делая лицо более рельефным, умело подчеркивая достоинства широких миндалевидных глаз, правильный контур губ, обозначая нежный румянец, маскируя тонкую сеточку мимических морщинок под глазами, что неизбежно настигают первыми. Они ей шли. Они говорили о ее легком нраве, о сотнях, тысячах улыбок, посланных как женщинам, так и мужчинам. Да, она любила улыбаться. Это было и средство от гнева, и от скуки, и из любви, и из жалости. Ее улыбка была такой разной и такой чарующей. Она знала это, чувствовала и не скупилась.

Натянув тесную в бедрах и широкую к низу шелковую юбку оливкового цвета, нежную кремовую блузу с множеством малюсеньких пуговиц и широким воротом, придирчиво оглядела свой облик. «Да, все великолепно!» Она покружилась у большого зеркала в спальне и лишь на миг приблизилась. Нет, эти маленькие тонкие морщинки у глаз не давали ей покоя. Кардинальных мер она не хотела предпринимать, но и улыбаться своему отражению ей становилось все сложнее.

Схватив шляпу, маленькую шелковую сумочку, впрыгнув на ходу в полупрозрачные туфельки на среднем каблучке, она выпорхнула на улицу как пестрая экзотическая птичка, идеально вписавшись в атмосферу ланкийских пейзажей и архитектуры.

«Да, навстречу новым вкусам, ароматам! Новым знаниям! И начнем с национальной кухни!»

Улица встретила ее шумом, странной музыкой, доносившейся из кафе. Перейти ее никак не удавалось. Не слишком широкая, она была заполнена транспортом. Черно-красные тук-туки, мотоциклы с туристами, старые автобусы с открытыми дверями и свисающими людьми, – все это перемешивалось в безумном потоке. Кто-то обгонял по встречной, без конца включал клаксон. Одна из машин притормозила и стала разворачиваться. Таис дождалась момента и вслед за машиной пулей перелетела улицу. Пролетев мимо сидящих на ступенях людей, она устроилась на краешке резного стульчика кафе.

– Мисс Тай-и? – спросил протяжно официант и указал на накрытый к обеду стол. Поклонившись, он удалился танцевать свой странный танец за кулисы, поближе к кухне.

Кафе при дневном освещении не казалось таким уж интересным, как накануне вечером, когда она его заприметила. Оно было в дымке пыли от дороги и яркое убранство не скрывало сильно поизносившейся интерьер. Однако пышные цветущие кусты фуксии и еще какого-то экзотического растения, сочная свежая зелень и высокие стройные пальмы с гроздьями кокосов спасали.

«Азия, самая настоящая...» – с радостью и восторгом подумала она, та, которая никогда особенно не стремилась побывать так далеко от привычной цивилизации. Да, было время, когда она мечтала поехать в Тайланд, взять мотороллер и объехать все самые красивые пляжи, меняя виды и попутчика. Однако мотороллер казался ненадежным, Тайланд – далеким, а жизнь слишком насыщенной, чтобы искать приключения и впечатления так далеко. Зато менять попутчика получалось само собой...

Таис рассматривала людей за соседними столиками как бы невзначай. Вот грузный индус застыл в ожидании своего заказа, как древнее изваяние в длинной желто-красной рубашке.

За соседним столиком высокий стройный мужчина с европейскими чертами лица и так сильно контрастирующей с ними цветом кожи темнее темного попивает что-то из узкого длинного стаканчика и присматривается к посетителям, слегка прищуривая при этом свои такие же, как и он сам, угольно-черные глаза. А там respectable мужчина средних лет европейской внешности заметно нервничает, ерзая на стуле. Его незадачливая спутница что-то сочно жует и говорит одновременно. Вот официант, такой услужливый мальчик, не то несет странный напиток темно-красного цвета в прозрачной колбе, не то танцует вокруг соседних столиков – не разберешь.

Таис надломил кусочек поджаренного в кунжуте хлеба и обмакнула в неизвестную жидкость, пахнущую пряностями. «Ммм...» И тут же запила водой из стакана. «О, а он кусается в ответ».

Облизнув обожженную специями губу, она заметила, что индус смотрит прямо на нее. «Ну нет, я вовсе не хотела никого смущать». Улыбка озорно заиграла на ее лице.

Она отвела взгляд, окинула улицу. Официант принес уже третье блюдо, недоумевая, когда же дама начнет всерьез их есть. Таис отламывала кусочек того, запивала напитком молочного цвета с запахом кокосового молока и куркумы, пробовала немножко другого, отставляла одну тарелку, придвигала другую.

Как здорово, что она настояла и выбрала именно этот отель. Он стоял на той же улице, что и рекомендованный туристической фирмой, но стоил куда дороже. Группа, с которой она приехала, предпочла более экономный вариант.

«Я тут совсем одна и в центре лучшего пляжа на Шри-Ланке, как будто странник-исследователь, приехавший за самой сутью, за истинным знанием о том, как остановить время, как продлить момент... в эту зелено-оранжевую страну и начала ее изучать с самого простого и верного – с кухни».

Эта привычка – театрально излагать свои мысли – была у нее с самого детства, очень часто ее просили спеть песенку или рассказать стишок, взобравшись на табуретку, и ничего лучше не было, чем долго «тянуть резину», сочиняя небылицы, ибо стишок был забыт.

Рассмотрев всех интересных и не очень персонажей кафе, ее взгляд остановился на молодой женщине, сидящей на ступенях. Она выглядела юной, такой одинокой и покинутой, словно не нужной себе самой.

Женщина в шелковом платье молочного цвета, не подходящей по сезону обуви сидела прямо на покрытых оранжевой пылью ступеньках, прижавшись к колонне, и ее поза с каждой секундой становилась все более неестественной. Еще один миг и... Таис вскочила и дикой кошкой, поддаваясь материнскому инстинкту, кинулась к падающей со ступеней женщине.

– Добрый день! Свяжите меня побыстрее с отелем «Саламандер»! Да, да! Будьте добры, мистера Аджита к телефону, нам нужна помощь! – затараторила быстро в трубку, поданную администратором, Таис.

Дав короткие распоряжения относительно потерявшей сознание девушки двум доброжелательным ланкийцам, она принялась звонить по своему страховому полису. Когда все было улажено и девушку унесли в номер Таис, она попыталась найти сумочку, документы, хоть что-то, удостоверяющее личность незнакомки, но тщетно.

Она не сомневалась, что девушка из ее группы и, дозвонившись в туристическую фирму принимающей стороны, попыталась уладить вопрос. Таис обладала профессиональной памятью на лица и без труда узнала ее, рассмотрев лицо поближе.

Рассказав о случившемся единственному знакомому на этом побережье человеку – Аджиту, попросив о помощи относительно багажа и документов незнакомки, она поднялась в номер. Ей было не по себе. Легкое чувство тревоги не покидало ее до тех пор, пока ее подопечная не открыла глаза, а доктор при осмотре не увидел ничего кроме переутомления. «Что ж, похоже, не одна я с тяжелым сердцем здесь».

Оставив незнакомку отдыхать, убедившись, что все по большому счету у нее в порядке, Таис уединилась в комнате. Обычно она продумывала все до мелочей, если ехала одна в путешествие. Но одна она путешествовала крайне редко. Она предпочитала быть с надежным мужчиной рядом. Она любила, когда организацию их поездки берет на себя Он.

«О, да! Сюрпризы! Как можно вообще без них жить?! Скучное серое существование... Зря потраченный день да и только. Есть время для работы, а есть остальное время и его нужно тратить только на жизнь. А что такое жизнь без сюрпризов? Праздников? Подвигов во имя и ради?! Прозабание в суете и скуке, монотонное полотно серых, постепенно убивающих твою плоть и отравляющих душу дней».

Она извлекла со дна чемодана путеводитель по Шри-Ланке и принялась его изучать.

Заглянув на последнюю страничку, как любила делать при чтении книг, она обнаружила скромную маленькую записку:

«Милый мой бесенок, надеюсь, это поможет тебе в нелегком выборе – какой именно пляж и ферму черепах осмотреть сегодня. Твой Александр». На обороте был написан красными чернилами неизвестный номер телефона. Таис заулыбалась своей самой обворожительной улыбкой. Она прямо слышала эти подтрунивающие нотки в его голосе. Предчувствие чего-то неведомого подталкивало ее. Сладкое предчувствие. О, как же она любила следовать его выдумкам.

«Авантюра и приключение – вот что питает и помогает чувствовать себя живой».

Повертев в руках записку, она отбросила сомнения и набрала номер.

– Слушаю, – ответил хорошо поставленный мужской голос.

– Добрый день! Меня зовут Таис и ваш номер мне дал... – сбивчиво и неуверенно начала она.

– О, да! Конечно! Я в курсе. Но что-то вы долго думали, прежде чем позвонить. Вот уже один день нашей программы прошел без нас, – очень уверенно заявил незнакомец.

– Так Вас нанял Александр?! Он заказал для меня «программу»? Расписал каждый день?! – с нажимом, решив поставить все точки над «и», поинтересовалась Таис.

– Нет, ну что Вы. В том смысле, что он нанял меня, но в целях быть Вашим ангелом-хранителем, – голос на том конце провода уже откровенно подшучивал и, вдруг переменившись, продолжил:

– Не беспокойтесь! Я не стану планировать и решать за Вас, но есть такие места, в которые Вы вряд ли попадете, не имея аккредитованного гида-проводника. Меня зовут Бедави и для меня будет честью показать немножко красоты моей страны прекрасной Таис. Да, опережая Ваш вопрос, скажу, что у меня есть Ваше фото и наше знакомство должно было произойти в кафе напротив вашего отеля, однако падающая со ступеней девушка все испортила, – проговорил все тот же голос с торжествующей интонацией.

Таис опешила. Ну нет! Такого от Александра она не ожидала. Ей захотелось его задушить.

«Ну как?! Он знал, что я захочу там отобедать? Позвонил администратору? Нет же... или знал, что я позвоню по оставленному номеру?! О, и кто тут чертенок-то?! Ай-яй-яй!»

Она обожала его эксцентричные выходки, любила все до одной. А сейчас она чувствовала, как волна нежности подкатывает и топит ее. Значит, он понимал, что едет она не просто так, значит, переживал за то, какой может вернуться, и за то, что будет с ними, значит, хотел напомнить о себе еще, и еще, и еще...

«Значит, тебе тоже важно?! Милый Санечка...»

– Отлично! Вы очень даже кстати. Я буду с приятельницей. И, раз уж Вам ничего не надо объяснять, тем лучше, приезжайте! Завтра утром можете начать нас удивлять местными красотами, – радостно, с полной решимостью ответила Таис.

– До встречи, – коротко и по-деловому обрубил нежданный гид и, не договорившись о конкретном времени и месте, повесил трубку.

«Нет, ну это определенно интригует!»

Она прошла враз-вперед по комнате, с каждым шагом расправляя плечи и выставляя вперед свою высокую полную грудь.

«Прекрасно! Я поплыву по этой реке новых открытий и впечатлений, я наполню свои воды, напитаю их подземными источниками...»

Таис уже не ходила, она парила по комнате, танцуя в странном танце под воображаемую музыку, закрыв глаза, медленно выставляя одну ногу и руку вперед, как в замедленных съемках древних индийских фильмов, которые она когда-то давно смотрела с мамой в кинотеатре.

«Там, там-там-та-ам...»

Она представила, как девушки в ярких сари кружат и выстукивают то носком, то пяткой, замирая, делают очень грациозные четкие движения руками, сложные треугольники их поз, наклон головы, – все гармонично, как жрицы вокруг огня отплясывают танец-предвосхищение новому дню, некоей неизбежности, празднуя ее.

В комнату тихонько вошли, и Таис остановилась.

– О, Вам, я вижу, гораздо лучше?

– Я и не знаю, как Вас благодарить! – незнакомка смущалась, а Таис кивнула в ответ.

– Потанцуй со мной, – пошутила Таис.

Девушка улыбнулась и кивнула в ответ. Жизнь была ключом из этой грациозной женщины. Как же приятно было на нее даже просто смотреть.

– Спасибо, наверное, подожду танца на углях и уж тогда обязательно присоединюсь.

– Отлично, отплясывать я буду, значит, не одна. Только не падай больше в обморок – так легко не отделаешься. Может, перекусим?

– Я с радостью, но, боюсь, что неплатежеспособна в данный момент, мне бы вернуться в свой номер ненадолго, – ответила Ксения и тут же сникла. «О боже, они так и не нашли мои документы и багаж!..» Делать было нечего и она объяснила свою проблему, как ей пришлось практически ночевать у стойки администратора, так как ее багаж перепутали, а из чужого номера выселили, при этом сумочку она скорее всего потеряла при аварийной посадке. «Нет же, не потеряла... Забыла в том автобусе, который вез меня к отелю, возможно».

Прошло несколько часов, пока путаница была разрешена, а багаж благополучно доставлен в новый номер Ксении с документами, сумочкой, извинениями и свежими фруктами.

Отдохнув от суеты, немножко поразмыслив, Таис набрала Ксению по внутреннему телефону.

– Как насчет завтра? Есть планы? – выпалила она. В ответ ничего не последовало.

– Давай тогда встретимся у меня за утренним кофе, нет, лучше чаем – мы же на острове Цейлон? И в нашем ресторане на берегу. Что скажешь?

– Я с радостью – на предстоящие пару недель у меня вообще нет никаких планов.

– Отлично. Тогда в 8.30 утра.

– Спасибо Вам! До завтра.

В трубке раздались короткие гудки.

«Что ж, отлично!»

Приняв душ, Таис вышла на террасу своего номера. Солнце быстрой кометой катилось за холмы справа, не давая опомниться, уносило сегодняшний день.

«Всего 18.20 и уже закат?!»

Она, не долго думая, надела сегодняшний наряд и босиком вылетела на пляж в надежде застать самое волнующее зрелище уходящего дня. Чистая береговая линия была молочно-изумрудного цвета, а отражающийся свет заходящего солнца щедро покрывал океан оранжевой глазурью. Людей было немного, но все они вышли посмотреть на закат. Недалеко от нее стояла влюбленная парочка низкорослых японцев, и девушка в розовой юбке-пачке, как у балерины,

нежно прижималась к молодому парню щекой. У Таис что-то ойкнуло в сердце. Она почувствовала и тоску по любимому, и новое чувство... Еще непонятно было, что это, но какое-то странное ощущение сладкого одиночества на миг погрузило ее в оцепенение.

Она смотрела вдаль, и теплый влажный бриз накрывал ее мягким плотным одеялом все-ленской заботы. Немножко отойдя в сторону от парочки, она поддалась внезапно нахлынувшему порыву и в одежде, отбросив малейшие сомнения, вошла в океан.

Теплые сильные руки, как руки любящего мужчины, схватили и потянули ее в свое владение, на миг она закрыла глаза, оказавшись почти с головой под водой, но не успела опомниться и испугаться, как следующая волна подтолкнула ее к берегу. Она податливо откинулась на спину, раскрыв руки в объятиях небу. Диск солнца уже был за линией горизонта, а пляж освещен лишь факелами.

«Ах вот значит как! Просто войти в воду. Поддаться. Довериться целиком и полностью. Ничего не решать, не планировать и не ожидать. Быть готовой поплатиться за это совершенно всем, но и ни на минуту не сомневаться. И тебя обнимут, возьмут в теплые сильные объятия, утнут в свои воды и отпустят, мягко давая выбор – остаться или уйти!»

Таис плакала. Ее соленые слезы смешивались с водами океана. Она чувствовала вдруг накрывшее ее единение со всем и вся и не могла объяснить своих слез.

«Спасибо тебе! Спасибо за этот невероятно простой, но такой глубокий урок».

Еще не один раз прокатившись на волне, она вышла на берег. Казалось, вокруг все как-то поменялось. К ней подошел ланкиец-служащий и подал сухое оранжевое махровое полотенце. Поблагодарив его кивком, не смотря в глаза и не улыбаясь, Таис поднялась в номер. Не включая свет, стянув с себя мокрое, она улеглась на теплые сухие простыни и заснула. Из ресторана тихонько доносилась странная народная музыка сенегальцев, скрипка нежными звуками рас-секала ее сон, как быстрый катер – гладь воды, унося куда-то далеко. Никаких сновидений, никаких раздумий – она погрузилась в сладкие объятия ночи, будто новорожденный ребенок в свой первый безмятежный сон на суше.

Она проснулась до рассвета. Вышла на балкон, укуталась в тонкий плед. Воздух был теплым и влажным, и ей казалось, что нет ничего более естественного, чем встречать рассвет на этом пляже нагишом, прикрывая тело одним только пледом, вдыхая воздух полной грудью и, ожидая солнце, смотреть на сиренево-кофейную гладь воды.

А солнце тем временем поднималось с другой стороны ее бунгало, подсвечивая океан и не касаясь кожи Таис. Оно давало любоваться собой, согревая, но не рая, как отношения на расстоянии, когда еще есть время отступить, не опалив плечи.

Ноги затекли, и становилось все жарче. «Пора на завтрак». Она открыла свой гардероб и вспомнила, что поленилась разобрать свой чемодан полностью. Бегло взглянув на расправленные и вывешенные наряды, она выбрала то, что всегда надевала, когда ей не хотелось об этом думать. Выудив из коробки первую попавшуюся шляпу и взяв двухцветную пляжную сумку, она отправилась на завтрак.

Ксения, ее новая знакомая, уже ожидала ее в глубине зала за столиком на четверых.

«Ей тоже не спалось...»

Глаза ее блестели утренним дождем, а светлая копна волос была взъерошена. Щеки еще хранили нежную припухлость юного возраста, совершенно сбивая с толку, в то время как взгляд был взрослым. «Интересно, сколько же ей лет? 23? Нет... 32? Хм... наверное, истина посередине», – гадала Таис, не желая спрашивать, так как возраст сам по себе для нее давно уже утратил свое значение.

Ее интересовало лишь, мечтает этот человек или уже нет, танцует ли он дома, поет ли песни, способен ли плакать от счастья?

Пожалуй, самым явным критерием старости для нее было, когда она могла точно ответить на все эти вопросы отрицательно. Таких людей она в окружении не держала, таких боя-

лась. Боялась подхватить это заразное смертельное заболевание под названием «устала жить». И вот что самое интересное: в отношении этой новой приятельницы она не могла односложно ответить. И это было, без сомнения, любопытной новизной.

За долгие годы в своей профессии она уже много раз видела стариков, ничего не желающих от жизни, кроме как «надежности», лет 26-ти, на организованных ею же для них свадьбах, женщин, потерявших вкус к жизни, мужчин с налетом цинизма, но очень робких и не верящих в свои силы, тщетно пытавшихся поразить своих избранниц невероятными подарками и удивительными сюрпризами-праздниками, которые поручали организовывать ее маленькой, но крепкой фирме. Она видела постаревших, но так и не повзрослевших мальчиков и девочек, все еще «играющих в куклы».

Таис знала толк в развлечениях и чувствовала потребности времени, потому давно придуманное ею дело процветало. Нет, временами это скорее походило на увлечение, чем на дело. Но сейчас она уже не могла признаться ему в любви с таким же пылом, как много лет назад, когда его открывала с нуля, и позже, когда оно расцвело под ее руководством.

Сейчас это был уже не слишком любимый плод ее фантазий и усилий.

«Может, мне просто надоело и мне пора его отпустить? Пора найти управляющего, по крайней мере?» Эта мысль пришла ей в голову первый раз за десять последних лет, и она удивилась не на шутку.

Раньше она горела им, предвкушала удивленные глаза, глаза, заплаканные от счастья или смущенные... Ее всегда это радовало и воодушевляло. Вопросы денег стояли не на первом месте и, пожалуй, не на втором даже, и, возможно, именно поэтому в коммерческом смысле дело было успешным.

– Привет! – услышала Таис спокойный и тихий голос Ксении. На столе перед девушкой стояла одинокая тарелка с двумя ломтиками ананаса и парочкой капустных листьев.

– Я проснулась раньше и не нашла, чем себя занять. Решила в конце концов поесть и подождать тебя тут, – немного смущаясь, пояснила она.

– Ты на диете? – не подумав, выпалила Таис.

– Нет... что ты... похоже, что это бесполезно, но тут просто больше нечего есть, – ответила Ксения и добавила на вопросительный взгляд Таис:

– То есть я ничего не увидела, что было бы мне знакомо.

– А... ну понятно. Будем тогда пробовать незнакомое, да? А то я боюсь стать кроликом, поедающим ананасы и капусту... как-то это не здорово, – и, улыбнувшись своей очаровательной улыбкой, подозвала официантов.

– Итак, мы будем есть все, – резюмировала она.

Двое юношей, не поняв смысла ее слов, переглянулись.

– Мадам, вы можете взять, что хотите, самостоятельно, – откликнулся один из них.

– Нет, нет, это исключено совершенно! Мы же не можем ходить с грудой тарелок туда-сюда, по чайной ложке в каждой, так? – она сделала заговорщический вид и, ловко вложив 10-долларовую купюру в руку одному из них, добавила:

– Мы – нет, а вы... вы – да. Так ведь?

Официант, рассмотрев неожиданно щедрые чаевые, утвердительно закивал и на глазах у изумленной Ксении схватил тарелку со стола, погрузил дюжину чистых и пустых на тележку и проехался с ней по залу. Его коллеги охотно накладывали по паре столовых ложек из каждой кастрюльки вдоль стола-фуршета.

– И никакого фаст-фуда, блинчиков, пицц и булок! – кинула она вслед.

– Мы же это не едим, так? – довольная своей выходкой, она посмотрела на Ксению.

– Нет, конечно, булок точно не надо, – приходя в себя, добавила та.

И вот уже стол был заставлен кучей розеток, тарелочек, среди которых была и пиала с ложечками и вилочками. Ксения, придя в себя от такого неожиданного обслуживания, с интересом принялась рассматривать и пробовать на зубок все то, что приносили официанты.

Эта была занимательная игра, как в детстве с бабушкой: они играли в игру «Из чего каша?», сидя на высоких зеленых табуретах под пышными гроздьями белого винограда «Дамские пальчики». Конечно же, тогда это была мудрая уловка, позволявшая накормить ребенка хоть немного, и Ксения понимала это, но всегда играла с удовольствием и азартом. Если она угадывала хотя бы три составляющих, то ей полагалась конфета, если нет, то конфету забирали обратно. Повзрослев, она стала замечать, с каким любопытством выбирает приправы. Да и вообще все, что относилось к травам – от специй до икебаны и картин из сухоцветов, – она любила честно и искренне. И сейчас, как тогда, сидя на зеленом высоком табурете, она чувствовала себя маленькой девочкой, увлеченной загадкой этих блюд. Перепробовав дюжину и почти столько же отправив обратно, она уже сама подзывала официанта и спрашивала, может ли он принести это же, но только без такого количества перца.

– Милая моя, если туда не добавить перца, то есть, скорее всего, будет нечего, – заливаясь смехом и испробовав местных блюд, отзывалась Таис, глядя на Ксению во все глаза.

– А знаешь, один сомелье ресторана «Москва», что в центре Питера, мне как-то рассказал поучительную и забавную историю про их главного шеф-повара, – начала Таис. – Так вот, у него были проблемы с весом и он попросту не влазил в их узкий лифт для работников на одну персону. Это была настоящая проблема для всех. Лифт для клиентов начинал работать в восемь часов утра, прямо перед открытием ресторана, но главный повар должен был появиться на своей работе задолго до этого. А добраться по лестнице не представлялось возможным. Итак, помучившись пару месяцев, владелец поставил его перед выбором: либо он худеет, либо теряет свою работу. И для успеха сего мероприятия направил бедолагу к своему диетологу. Диетолог долго выслушивал рассказы толстяка, как тот, не покладая рук, не присев за десять часов работы совершенно, не имеет физической возможности питаться, а приходя домой просто валится с ног, и согласился работать над его задачей похудеть только при одном условии, что тот будет всю неделю бегать на своей работе с большим пустым... ведром. И сколько он пробует ложечку из каждого блюда, столько и опускать в это ведро. Разумеется, повар согласился, оставаясь в полной убежденности относительно причины своего лишнего веса «от стресса и нервов». И вот, придя на работу на следующий день, с видом мученика он гордо взял пустое алюминиевое ведро на 20 литров и заявил, что все повара, у которых он попробует ложечку, должны отправлять ровно столько же в его ведро... Да, да... я уже заканчиваю... ты не отвлекайся, пробуй... И все согласились ему помочь, добросовестно выполняя его просьбу. Каково же было его удивление в конце дня, когда последняя ложка просто вытекла из полного ведра, – завершила свою историю Таис.

Ксения обескураженно смотрела, доедая невероятно вкусную тарталетку с желейным кусочком маракуйи сверху. И, отставив новую порцию принесенной еды, скомандовала сворачивать банкет. Таис заливисто смеялась, откинув голову назад. Официант смущенно собирал остатки блюд, не зная, угодил ли, и краем глаза наблюдал за красивой смеющейся женщиной.

– Мадам, все хорошо?

– Все не хорошо, все прекрасно! – ловко покинув удобное ротанговое кресло и договорившись созвониться с Ксенией насчет обеда, если та успеет нагнать такой же аппетит, Таис решила прогуляться вдоль берега.

Береговая линия была прекрасна в солнечных лучах сквозь влажную дымку полупрозрачных облаков.

«Еще не видно неба. Или оно тут именно такое, дымчато-облачное. Дивно. Но, может, это потому, что до экватора рукой подать. Всего каких-то 150 километров... или 300 километров? Все относительно».

Она то и дело заглядывала под огромные линзы солнечных очков, желая наилучшим образом рассмотреть цвет открывающегося ландшафта. Оранжевые зонтики сменяли черные и белые. Домики из-за густой растительности выглядывали и вторили: то черные деревянные, то бело-зеленые, но совершенно с одинаковыми крышами рыжего и красного цвета. Даже самые скромные отели были покрыты черепицей и утоплены в зеленой шапке кустов, деревьев и пальм. Таис подошла поближе к океану и он тут же намочил ее юбку до середины бедер.

«О, вот как!»

Она собрала мокрую ткань подола и закрутила за пояс, обнажив стройные подтянутые ноги – результат хороших генов ее родителей и уже долгих пилатес-тренировок. Бегать она не любила, а прыгать и танцевать – да сколько угодно. Выбрав в Питере подходящую студию, она ходила временами танцевать зумбу и, войдя во вкус, могла остаться еще на одно занятие. Пары таких танцевальных запоев в неделю пока еще было вполне достаточно для поддержания формы, но вот в еде приходилось уже себя ограничивать, а жаль... Она знала вкус и толк в этом не меньше, чем в других наслаждениях.

«Странно, Бедави так и не появился за завтраком. Что ж, звонить не буду. Пусть все идет так, как идет».

И, улыбнувшись своему неожиданному решению положиться на случай, поднялась в нависающий над водой ресторанчик.

Вход с дороги она не увидела, потому вошла не через парадную. Ступени были немного отбиты, а перед самым входом была неглубокая лужа с водой для омовения ног. Ловко перепрыгнув ее, она прошла внутрь и замерла. Открытая терраса нависала прямо над океаном. Два огромных дерева склонились над ней, едва давая посетителям занять места за столиками. Густая тень от деревьев щедро укрывала их от солнца. Массивные скрученные стволы покрывала зелень, а ветви были усыпаны крупными бутонами бело-розовых цветов.

Таис, немного утомленная жарой и прогулкой, с удовольствием заняла место за одним из двух свободных столиков. Нельзя сказать, что в ресторане было чисто. Даже на столике были какие-то крошки, и ветер, выхватывая салфетки из металлического ажурного стаканчика, добавлял беспорядка. Но вид, открывающийся с этого выступающего балкона-террасы, был волшебным. Сильные высокие волны ударялись о каменную насыпь, разбиваясь и стекая струйками вниз, солнце высвечивало радужные брызги. Распустившиеся цветы на деревьях подхватывались ветром и, кружась, падали то в воду, то на столик. Официанты не спешили, к чему она уже привыкла, и, не обращая внимания на посетителей, завороченно смотрела в даль.

Казалось, прошла вечность, прежде чем у нее взяли заказ. Осведомившись у босого высокого темного мужчины в красно-оранжевом одеянии о блюде дня, она заказала карри с кальмарами, взбитый напиток из манго, который в меню назывался Lazy, и их местный спиртной напиток – кокосовый арак. Немало времени она потратила, чтобы объяснить насчет карри без перца и карри без карри. Это было странно и весело – карри без карри, но только так можно было рассчитывать на то, что эта еда будет съедобна.

Этот ресторан был первым этажом двухэтажной гостиницы. Через полуоткрытые длинные окна можно было рассмотреть необычное убранство: резные стульчики, балдахины над кроватями, а в фойе, ближе к столикам, стояли длинные софы бордового цвета с кучей белоснежных подушек. Сквозь тонированное широкое окно Таис рассмотрела стойку администратора и холл. Ей захотелось вымыть руки и освежиться.

Пройдя внутрь гостиницы, она увидела резные статуэтки Будды, широкие серебряные подносы с палочками благовоний и свечами. Людей практически не было. Атмосфера была таинственной. Покрутившись немного и рассмотрев все, что было доступно, она вернулась за столик. Он был по-прежнему пуст. Перевернув стакан с вилками-ложками, она обнаружила на дне запасы пакетиков с сахаром и перцем. «Интересно, кому-то еда может показаться не слишком перченой?» Распаковав их и высыпав на стол содержимое, она принялась рисо-

вать ствол дерева и линию горизонта кончиками пальцев. Ветер сдувал частички ее картины со стола, и она начинала вновь. Мыслями она улетала... И вдруг неожиданно с поверхности стола на нее взирал вполне угадываемый лик Александра. «О, уроки скульптурной лепки не прошли даром! Ну, привет, милый!» Таис тут же смела ладонью портрет из сахара и перца и подумала, что неспроста именно этим материалом он был нарисован.

«Да... сейчас у нас медовый месяц в отношениях... с перчинкой, нет, ну с горой перца... А что потом? Проснувшись однажды утром, он ощутит пропасть между нами лет в десять, усталость от отношений и желание снова окунуться в праздник... А я? Я буду страдать от этого, пытаюсь компенсировать недостаток его внимания вниманием других мужчин... и вот в какой-то момент уже не будет смысла в отчаянных попытках раздуть сгоревшие поленья. Мы останемся друзьями, нежно вспоминающими друг друга уже в объятиях других таис, других александров... Как же это надоело...»

– Здравствуйте, Таис! – отвлек от невеселых мыслей уже знакомый голос. Таис обернулась и поздоровалась в ответ.

– И Вам не хворать, Бедави! – не было сомнений, что это он. Она запомнила это странное сочетание европейских черт с черным цветом кожи, этот наблюдательный взгляд. А в совпадения, если и верила, то только в хорошо спланированные. В глазах мужчины заиграли солнечные зайчики, и он вежливо поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.